

УДК 391/395

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ В РОССИИ: ДИНАМИКА НАУЧНЫХ ИДЕЙ И ЗНАНИЙ*

А. Е. Загребин

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

Статья посвящена истории изучения этнографии финно-угорских народов России в исторической ретроспективе. Отмечено, что поиски прародины финнов и венгров совместились с краеведческими интересами зарождающейся российской финно-угорской интеллигенции, оказывая влияние на идентитет и этничность уральских народов. Показана динамика научной деятельности и факты исследовательской преемственности в области этнографического финно-угроведения.

Ключевые слова: финно-угорские народы, этнография, дело «СОФИН», власть, научные центры финно-угроведения.

A. E. Zagrebin. ETHNOGRAPHIC FINNO-UGRIC STUDIES IN RUSSIA: THE EVOLUTION OF SCIENTIFIC IDEAS AND KNOWLEDGE

The article is devoted to the history of studying the ethnography of Finno-Ugric peoples of Russia in historical retrospective. The search for the Ural ancestral home of the Finns and the Hungarians was linked with the regional interests of the emerging Finno-Ugric intelligentsia in Russia, influencing the identity and ethnicity of Uralic nations. The dynamics of scientific activity and the facts of research continuity in the field of ethnographic Finno-Ugric studies are demonstrated.

Key words: Finno-Ugric peoples, ethnography, the 'SOFIN' case, authority, scientific centers of Finno-Ugric studies.

Финно-угорские народы России, чье жизненное пространство ныне находится в Западной Сибири, на Урале, в Среднем Поволжье, на Европейском Севере и Северо-Западе России, разделены расстояниями, спецификой хозяйственной деятельности и образа жизни. Тем не менее на протяжении длительного времени российские финно-угры осознают себя не только в качестве носителей определенной этничности, но и представителями более широкой историко-культурной общности [Voigt, 2012]. Думается, что истоки современного финно-угорского мира

можно искать не только в пределах предметной сферы этнографии, но также в истории науки.

Важным представляется вопрос о времени и обстоятельствах зарождения финно-угорских этнографических исследований. Изначально следует разграничить длительный период накопления материалов о народной культуре финно-угорских народов и хронологически более скромный период научного осмысления собранного, когда мир идей, по-видимому, превращает время в историческую эпоху, выделяя приоритеты, указывая на ориентиры и вырабатывая систему оценивания.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 14-18-03573.

Возникнув как филологическое направление компаративистского характера, финно-угроведение довольно скоро приобрело этнографическую (в широком понимании) сущность. Результаты открытий, отражаясь на страницах научных изданий, учебников и популярной периодики, постепенно формировали чувство финно-угорского родства. Внимание к проблемам традиционной культуры живущих в России родственных народов со стороны финских, венгерских и эстонских этнографов вело к интеграции исследований с русскими учеными, создавая дискуссионный контекст, необходимый для позитивного развития науки. Финно-угорская проблематика стала для отечественной этнографии одной из связующих нитей с европейским народоведческим процессом, наложив свой отпечаток на предметную сферу, полевые практики и личные истории.

Одним из важных побудительных моментов для пионеров финно-угорских исследований был поиск прародины, свидетельств общей истории и минувшего «золотого века». Не обнаруживая надежных доказательств родства с иудеями, эллинами, латинянами, гуннами, жителями Кавказа, Тибета и Гималаев, строящие национальную историю финские и венгерские интеллектуалы все чаще обращали взоры на Восток [Le Calloc'h, 2008]. Материалы, собранные российскими академическими экспедициями, в свою очередь недвусмысленно указывали направление возможных поисков.

От опытов классификации к этнической идентификации

В интеллектуальной жизни Европы век Просвещения был отмечен сочетанием двух взаимосвязанных процессов. С одной стороны, в ученом сообществе наблюдался закат сугубо клерикальных способов мировосприятия и лишенных этнографической конкретики локальных версий этногенеза, с другой – ощущалось стремление освободиться от груза сомнительных этнотеорий, требовавшее применения рациональных методов, включая непосредственное наблюдение за жизнью народов, находившихся в тени классических древностей. Народов, историей которых во многом являлась этнография. Так, научный импульс, подкрепленный государственным финансированием, коснулся европейской периферии и сопредельных с ней азиатских земель, где в массе своей жили финно-угорские народы России.

В просвещенном веке обнаруживается, что растущий хаос эмпиризма можно обуздать с помощью «таблиц», становящихся новым спосо-

бом создавать историю [Фуко, 1994. С. 161]. Мало того, в XVIII в. почти по всей Европе был заключен негласный союз между государством и учеными, обеспеченный тем, что работа по созданию классификаций преследовала как познавательные, так и сугубо практические цели, позволяя принимающим решения быть информированными о состоянии населения, с которым должно считаться [Пэнто, 2004. С. 106].

Ключевым пунктом новой методологии был поиск языковых соответствий, чаще реализуемый при помощи составления сравнительных многоязычных словарей, когда по заранее подготовленному списку собирались слова по возможности из разных языков и диалектов. Преодолевая сложившиеся стереотипы, наука вела общество к пониманию того, что, несмотря на территориальную разобщенность, разные уровни политического и экономического развития, можно уверенно говорить о неизменности древних языковых типов. Кроме того, определение языкового родства подготавливало почву для поиска исторических параллелей, времени и места возможных этнических контактов.

Зародившись в недрах естественных наук, классификации распространились на гуманитарную сферу посредством лингвистики, занявшей вскоре приоритетное место в историко-культурных исследованиях. Неслучайно классиками ранней финно-угристики были астроном-математик Я. Шайнович и медик-ботаник Ш. Дьярмати. Благодаря классификационным построениям была выдвинута гипотеза о неразрывной связи истории языка и истории человечества.

Одна из первых попыток классифицировать народы «российского средиземья» была предпринята в начале 1720-х годов доктором Д. Г. Мессершмидтом. Хотя наиболее известной этнолингвистической классификацией стал опыт капитана Ф. И. Страленберга. Опровергая сложившееся в европейской историографии мнение о том, что население северовосточной Евразии представлено лишь татарами, он при помощи сравнительной таблицы представил в шести группах (классах) лексические материалы из более чем тридцати языков. Высказанные им предположения по сей день дают пищу для научных дискуссий [Manaster Ramer, Sidwell, 1997]. Своей классификацией Страленберг выразил одну из ключевых идей финно-угроведения о том, что народы, говорящие на родственных языках, в настоящее время живущие частью в Сибири и частью в Европе, в древности составляли один народ, одну культуру, пережитки которой, скорее всего, существуют и поныне.

Интеллектуальный прорыв, совершенный в эпоху Просвещения, способствовал не только разрушению замкнутой европоцентричной модели истории, но и привел к распаду прежней «полигистории» на отдельные отрасли знания, среди которых свою роль суждено будет сыграть этнография.

Великие экспедиции на ментальной карте финно-угорского мира

Обнаружившаяся в самом начале петровского времени потребность в знании своей страны чрезвычайно расширила возможности для размышлений ученых, путешествующих по открытым наукой социокультурным пространствам. Как оказалось, во многих местностях, даже совсем мало удаленных от столичных городов, если население и говорит по-русски, быт и антропологический тип выдают его сравнительно недавнее обращение. Вместе с тем возможность для дальнейших теоретических конструкций и практических реконструкций находилась в прямой зависимости от способности ученых самостоятельно добывать эмпирический материал.

Идея экспедиции как «специального путешествия» для непосредственного наблюдения народного быта в буквальном смысле витала в научной атмосфере эпохи. Развившаяся на основе западноевропейской моды на фиксацию путевых наблюдений, экспедиция создала ранее не известный тип исследовательских процедур, известный нам как полевая работа.

Академические экспедиции по глубинным областям России XVIII в., сменившие их поездки в поисках родственных народов финских и венгерских ученых, наконец, ареальные полевые этнографические исследования второй половины XIX – начала XX в. не только обозначили финно-угорскую проблематику, но и выявили проблемы научного лидерства. Умение демонстрировать возможности избранной методологии и готовность вести за собой людей, как правило, обеспечивали успех задуманного предприятия. Добиваясь выдающихся результатов, лидеры задавали столь высокую планку ожиданий, за которой как будто бы возникала пустота. Удивительно, но эта «кажущаяся невозможность» не раз становилась точкой отсчета для новой генерации финно-угроведов. Со временем организаторы великих экспедиций сами становились субъектами, персонифицирующими историю науки, чей мифологизированный путь оживлял ментальную карту финно-угорского мира [Загребин, 2007].

Труд жизни А. И. Шегрена, Э. Леннрота, М. А. Кастрена, А. Регули и других подвижников, кроме иных бесспорно важных вещей, показал, что наука о родственных народах нуждается в постоянном поступлении качественной полевой информации от носителей этнической традиции. Тем не менее наблюдение различных событий из народной жизни и сбор артефактов превратились в этнографию никак не ранее того, как ученые задумались о теоретической стороне своей деятельности. В области финно-угроведения это было связано с эпохой этнографического эволюционизма.

Этнографический музей и/или театр народной жизни

Положение финно-угорских этнографических исследований на рубеже XIX–XX вв. оказалось несколько двусмысленным. Основная трудность, возникшая с появлением в науке о народах и культурах позитивистской методологии, заключалась в том, как совместить или, лучше сказать, примирить ожидаемую романтическую пастораль с прагматическими задачами полевой работы. Универсальным решением проблемы многим виделась набиравшая популярность в этнографических кругах теория развития.

Учитывая неоднородность хозяйственно-экономического и социально-политического устройства финно-угорских народов, можно было попытаться реконструировать основные этапы исторического прошлого финнов и венгров с помощью изучения современного быта родственных народов России. И лучшим средством демонстрации данного подхода виделся этнографический музей. Неслучайно пионеры финно-угорской этнографии А. О. Хейкель, Я. Янко, У. Т. Сирелиус и в несколько меньшей степени И. Н. Смирнов были музейщиками по профессии и по призванию.

Выставочные перспективы финно-угорской этнографии стали еще одним местом встречи научных интересов финских, венгерских и русских ученых, однако при всей теоретико-методологической близости открывалась и существенная разница в принципах музейной композиции. В первом случае это были вариации концепта «один народ – одна культура», во втором – сложное мозаичное полотно с проскальзывающими красками ассимиляционизма.

Быть этнографом, не разделяя идеи этнографического музея как средоточия вещей, идентифицирующих народ(ы) во времени и пространстве, тогда вряд ли представлялось возможным. Путь к этому храму материализо-

ванного воплощения этничности лежал через экспедиционные поля, университетские кафедры и властные кабинеты, где в зависимости от успеха предприятия музей приобретал реальные либо виртуальные очертания. Труд по выстраиванию экспозиции требовал соучастия и сотворчества немалого числа любителей и профессионалов, движимых желанием представить в наиболее выгодном свете культуру своего народа. Так, например, куратор I Финно-угорской выставки в Национальном музее Финляндии У. Т. Сирелиус выступал не просто заинтересованным зрителем, но порой и режиссером в «театре традиционной культуры» родственных народов, вовлекая в свои исследования местных помощников, тем самым способствуя смене парадигмы, идущей от внешнего интереса к самопознанию [Загребин, 2013. С. 151].

Пионеры финно-угорской этнографии, скорее всего, предполагали, что резонанс от их собирательской деятельности так или иначе коснется процессов нациестроительства, а музей станет одним из краеугольных камней строящегося здания национальной культуры [Жеребцов и др., 2012].

«Недостроенное здание» советского финно-угроведения

Первые два десятилетия советской власти – период активной научной работы среди российских финно-угров, вместе с другими народами включившихся в эксперимент по ускоренной социально-экономической модернизации «внутренней периферии» [Калинин, 2000]. Финно-угроведение стало частью инициатив, исходящих от краеведческих обществ и учреждений науки, заинтересованных в сведениях об этнических традициях и степени проникновения в них инноваций [Налимов, 2010]. Ученые представлялись проводниками политики культурной революции, советское финно-угроведение рассматривалось властью в качестве одного из направлений с особыми идеологическими задачами.

Этнографам, придерживавшимся теории развития, не могла не импонировать роль наблюдателя эволюции народов, лишь в малой степени затронутых влиянием буржуазии. Ученые должны были искать баланс между позитивистскими практиками, отражающими полифоничную картину народной жизни, и ангажированными текстами официальных отчетов. Выйдя из народной среды, представители раннего советского финно-угроведения проделали трудный путь, отделивший их от стези молча-

ливых отцов и приблизивший к состоянию людей говорящих и пишущих. Многим из них было не чуждо литературное творчество, ставшее еще одним инструментом в деле построения корпуса национальной истории и культуры.

Годы относительного плюрализма в советской гуманитаристике оставили вполне зримое институциональное наследие. Речь идет прежде всего о возникновении сети краеведческих, по сути своей этнографических музеев и комплексных научно-исследовательских институтов. Призванные содействовать строительству и пропаганде новой «социалистической культуры», они чаще занимались изучением и сохранением фольклорно-этнографической традиции [Поппе, 1927]. Тогда же наметилась постепенная трансформация – с теоретико-методологической авансцены уходил эволюционизм, уступая место географическому и хозяйственному детерминизму и ареальному исследованию этнических культур.

В Финляндии большой вес приобретали научные подходы, демонстрировавшие этнографами, сохранявшими верность финно-угорской проблематике, но возрастающее внимание уделявшими собственно финской этнографии. Сходная ситуация складывалась в Венгрии и Эстонии. Сужение финно-угорского научного дискурса было связано и с внешнеполитической ситуацией, так как Советская Россия, а затем СССР находились в весьма натянутых отношениях с правительствами «буржуазной Эстонии», «белофиннов» и «хортистов». Границы были закрыты, возможностей для научных поездок становилось все меньше, легальная переписка была поставлена под жесткий контроль. Попытки отдельных ученых приподнять опускающийся занавес порой удавались, но время классической финно-угорской этнографии безвозвратно уходило.

Смена политического курса в СССР сопровождалась постепенным свертыванием национально ориентированных проектов и декорированием актов унификации, вела к минимизации экспедиционной деятельности и гибели многих этнографов, чье научное наследие было утрачено либо надежно скрыто [Загребин, Куликов, 2011].

В русле этой тенденции в Нижегородском ОГПУ в 1932–1933 гг. родилось так называемое «Дело СОФИН» (Союз освобождения финских народностей), активисты которого якобы планировали отторжение финно-угорских регионов от СССР и создание конфедерации под эгидой Финляндии. Вместе с удмуртскими учеными под следствием оказались представители финской, карельской, коми, коми-пермяц-

кой, марийской и мордовской интеллигенции, а также столичные исследователи, занимавшиеся финно-угроведением [Куликов, 1997]. Дальнейшие судьбы большинства из них были печальны.

Послевоенное (воз)рождение этнографического финно-угроведения

Почти тридцать лет отечественное финно-угроведение как комплексное научное направление и этнография как часть его находились в забвении. Вторая мировая война еще сильнее размежевала финно-угорские народы, внеся суровые коррективы в планы ученых. Наука была жестко увязана с решением военно-политических проблем.

Послевоенные надежды уцелевших воплотились в проведенной в Ленинграде Всесоюзной конференции по финно-угорской филологии [Научная конференция..., 1947]. Но только после того как И. В. Сталин указал, что классы уходят и приходят, а нации остаются, забрезжила надежда вывести этнографию на уровень легитимной науки. Плата за легитимацию была оставлена прежней.

Зависимость такого рода в целом была свойственна послевоенной этнологии, тесно связанной в странах Запада с системой колониального управления, в СССР – с «руководящей и направляющей ролью партии», и даже в неприсоединившихся странах. Но этот хрупкий баланс между властью этнографического факта и властью государства обеспечил условия для послевоенного ренессанса этнографии и, что важно для нас, – формирования устойчивого интереса к финно-угорской проблематике. В тот период особенно велика оказалась роль ученых, не побоявшихся взять на себя роль человека, напрямую работающего с властью [Zagrebin, 2007. P. 72]. Это была игра, построенная на взаимных уступках, обидах и объятиях. Она же обеспечила издание научного журнала «Советское финно-угроведение», функционирование тартуской аспирантуры профессора П. Аристе, финно-угорские экспедиции Эстонского национального музея, проведение всесоюзных конференций и международных конгрессов финно-угроведов. Наибольшим успехом тех лет можно считать возникновение самостоятельных коллективов финно-угроведов в России.

Некоторые выводы и размышления

Атлантический тренд, возобладавший в европейской этнологии, и кризис советской эт-

нографии способствовали тому, что вектор этнических исследований финно-угорской направленности сместился в область прежней «внутренней периферии». Третье поколение российских финно-угроведов было возвращено преимущественно на местной почве, подготовленной учителями-предшественниками, прошедшими школу московской, ленинградской и тартуской аспирантур. Таким образом, завершился переход финно-угорской этнографии в этнографическое финно-угроведение.

Глобальность информационного пространства, плюрализм мнений и растущая роль связанных с наукой общественных инициатив обеспечили качественный рост проводимых исследований в академических институтах, в федеральных и региональных учреждениях науки и образования. Вместе с тем ощущение личной ответственности за сказанное и сделанное не приходит столь же скоро, как право на определение научной тематики, равно как осведомленность по широкому кругу вопросов не всегда переходит в системное знание. Это становится особенно важным для генерации, ныне ступающей по пути этнографического финно-угроведения.

Прошедшее время дало возможность говорить о роли и значении каждой отдельной личности, экспедиции, (арте)факта во всей сложности историографического спектра. Прочитывая светлые и темные страницы истории науки, начинаешь лучше понимать ту действительность, что характерна для сегодняшнего дня финно-угорских исследований.

Литература

Жеребцов И. Л., Загребин А. Е., Шарипов В. Э., Юрпалов А. Ю. Этнографический музей и идентичность: к предыстории формирования музейных коллекций пермских народов (коми и удмуртов) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012. Вып. 1. С. 78–82.

Загребин А. Е. Финно-угорские народы России в историографии XVIII – первой половины XIX в. // Отечественная история. 2007. № 5. С. 169–175.

Загребин А. Е. У. Т. Сирелиус и финно-угорская этнография // Уральский исторический вестник. 2013. № 4. С. 145–153.

Загребин А. Е., Куликов К. И. Советское финно-угроведение 1920-х – начала 1930-х гг.: первые действия и противодействия // Проникновение и применение дискурса национального в России и СССР в конце XVIII – первой половине XX вв. / Ред. И. Яатс, Э. Таммиксаар. Тарту, 2011. С. 149–163.

Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000. 178 с.

Куликов К. И. Дело «СОФИН». Ижевск, 1997. 368 с.

Налимов В. П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск; Сыктывкар, 2010. 336 с.

Научная конференция по вопросам финно-угорской филологии. 23 января – 4 февраля 1947 г. Тезисы докладов / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР, проф. Д. В. Бубрих. Ленинград, 1947. 104 с.

Поппе Н. Н. Этнографическое изучение финно-угорских народов в СССР // Финно-угорский сборник. Труды КИПС. Вып. 15. Л., 1928. С. 27–76.

Пэнто Л. Государство и социальные науки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 5. С. 99–114.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. 408 с.

Le Calloc'h B. Les hongrois face à la revelation de leur origine finno-ougrienne aux XVIII et XIX siècles // Études finno-ougriennes. 2008. Vol. 40. P. 161–175.

Manaster Ramer A., Sidwell P. The truth about Strahlenberg's classification of the languages Northeastern Eurasia // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1997. Vol. 87. P. 139–160.

Voigt V. Finno-Ugric Folk Tradition Expressing Identity // Acta Ethnographica Hungarica. 2012. Vol. 57, N 2. P. 398–399.

Zagrebin A. The Scientist and Authority in the History of Finno-Ugric Research in Russia // Journal of Ethnology and Folkloristic. 2007. Vol. 1, N 1. P. 63–73.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Загребин Алексей Егорович

директор, д. и. н.
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
ул. Ломоносова, 4, Ижевск, Удмуртская Республика,
Россия, 426004
e-mail: adm@udnii.ru

Zagrebin, Alexey

Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Ural Branch, Russian Academy of Sciences
4 Lomonosov St., 426004 Izhevsk, Udmurtia, Russia
e-mail: adm@udnii.ru